

Ы Труд — 1990. — 22 сир.

Удивительная вещь происходит со многими из тех, кто отдает себя без остатка высокому искусству. Время к ним снисходительно. Оно если и накладывает на них свою печать, то тяжесть ее кажется куда меньшей, чем приходится на долю других. Гибкое, юношеское тело, отточенная пластика, неподражаемая экспрессия. Набеленное лицо с удивленно поднятыми бровями под беспорядочной шапкой темных волос. И красный цветок на мятой высокой шляпе. Марсель Марсо. Весна 1990 года. А он почти такой же, что и четверть века назад.

ЗАСТАТЬ его в Париже почти невозможно, он постоянно в гастрольных поездках. И все-таки для «Труда» Марсель Марсо выкроил время между спектаклями, репетициями и занятиями в своей школе пантомимы. Наш разговор происходил в двух шагах от нее, в маленьком кафе.

— В вашей стране я был множество раз, начиная с 1961 года, — начал нашу беседу сам Марсель Марсо. — Сколько прекрасных людей я узнал! Константин Симонов, Сергей Образцов, Сергей Юткевич...

— Что для вас пантомима? Единственное средство самовыражения, возможность объяснить происходящее вокруг?

— Прежде всего это полнокровный вид искусства. Как музыка, балет, живопись, скульптура. Пантомима обязана быть искренней. Здесь ложь невозможна, ибо зритель воспринимает ее не через слова (а они могут и лгать), а напрямую, непосредственно. Пантомима — это как запахи цветов. Они могут быть и тонкими, и резкими, но всегда подлинными. Искусство мима — это способность без слов, а лишь своим телом, мимикой создавать образы, делать невидимое видимым.

— Традиции пантомимы уходят глубоко в прошлое...

— Это искусство возникло в Греции, затем было перенято в Древнем Риме. После оно исчезло и возродилось лишь много позже в итальянской «комедия дель арте», где слилась со словом и акробатикой. Ренессанс пантомимы произошел во Франции в середине прошлого века. Это был Пьерро, любимый французами безмолвный персонаж, сошедший с подмостков армарочных балаганов. Уже в наше время реформатор театра Жак Копо, такой же силы, что и ваш Станиславский, вдохнул в пантомиму новую жизнь. Его ученик — Этьен Декро, который создал своего рода «грамматику жестов», и стал позже моим учителем. Однако ему не удалось сделать из пантомимы популярное, широко известное искусство. Для этого было необходимо создать новый персонаж, который был бы близок и понятен людям, не только заставлял бы их смеяться, но был бы полон поэзии улиц и площадей, правды жизни, где постоянно идет битва между добром и злом. Таким персонажем и стал в 1947 году мой Бип, созданный, несомненно, под влиянием Чарли Чаплина.

— Вам приходилось лично встречаться с этим великим актером?

— Как-то давно в одном журнале писали: если бы не был изобретен кинематограф, Чарли Чаплин стал бы Марселем Марсо своего времени. Что и говорить, лестное для меня сравнение. Я всю жизнь мечтал о встрече с Чаплиным. Его дочь Жеральдина была на моем лондонском концерте в 1962 году и после передала мне, что ее отец обо мне хорошо отзывался. Однако встретиться с Чаплиным мне удалось совершенно случайно лишь в 1967 году в парижском аэропорту Орли. Он вместе с женой и детьми улетал в Швейцарию, я тоже отправлялся на гастроль. Со мной были два журналиста: один из «Лайфа», другой — фоторепортер из «Пари-матч». Я подошел к Чаплину, и мы разговорились. Незадолго до этой

встречи я принимал участие в телепередаче, посвященной немому кино в США. И в шутку начал изображать походку Чарли. И вдруг он присоединился ко мне, и мы вместе, смеясь, прошли по аэропорту известной на весь мир походкой. Я до сих пор виню себя, что не разрешил репортерам снять нас в те минуты. Боялся, что Чаплин подумает: вот, мол, устраивает себе рекламу. Когда объявили посадку, я не

Искусство за рубежом

И САМ МАРСЕЛЬ МАРСО...

знал, что сказать на прощание. Тогда я взял его руку и поцеловал. На лице великого Чарли были слезы...

— Как вы относитесь к переменам, которые происходят сейчас в общественном сознании, в оценках тех или иных событий в истории человечества?

— Опасность, которая подстерегает нынешнюю молодежь, состоит в том, что многие из них полагают, будто перемены, как таковые, в состоянии обеспечить более справедливое будущее. Люди не должны терять своих исторических корней. Это важно для того, чтобы объяснить необходимость и закономерность тех или иных событий. Возьмем хотя бы Великую французскую революцию. Да, она была омрачена террором, но для нынешних поколений остались выработанные ею права человека. Все имеет свой резон и свое объяснение. Не было бы этой революции, свободолобивый Пьерро стал бы просто королевским шутком. Как наши энциклопедисты готовили Французскую революцию, так и наши писатели Чехов, Достоевский, Толстой были предтечами Октября в России. Глупо и невежественно заявлять, а такие голоса слышались часто сегодня, что все это были несчастные случаи на историческом пути человечества.

Мне самому довелось столкнуться с деспотизмом и террором, когда 18-летним юношей в 1942 году я включился в движение Сопротивления. Мой отец был большим тружеником, состоял в профсоюзе. Он погиб во время второй мировой войны в концлагере Освенцим. Вместе с братом я подделывал документы, продовольственные карточки для друзей по подполью. А когда на наш след напали гестапо, то три месяца скрывался в детском приюте. Позднее воевал вместе с первой французской армией в Германии. Так что к тому времени, когда я увлекся пантомимой, у меня уже был богатый жизненный опыт. Ибо невозможно создать настоящее искусство, если

оно не связано с историей, с настоящим, с тем, что огорчает или радует людей.

— Вы произнесли хотя бы одно слово на сцене?

— Никогда. Слово очень слабо рядом с силой жеста. Оно может нарушить поэзию тишины и тайны. Иногда я опираюсь на музыку, которая является своего рода звуковым противовесом молчанию. Как и цветовое оформление, она помогает развивать драматическое действие.

— Поражает ваша молодость, гибкость, когда вы выходите на сцену...

— Конечно, здесь не обошлось без хорошей наследственности. Моя мать дожила до 94 лет. И, конечно же, постоянная работа. В год у меня свыше 200 выступлений. Никакого алкоголя, табачка. Сознаюся вам: сейчас я чув-

ствую себя лучше, чем 20 лет назад. Я много занимаюсь, даю уроки ученикам.

— Позвольте традиционный вопрос: с каким чувством вы выходите на сцену?

— Вы знаете, как в первый раз. У меня нет чувства рутины, повседневности, хотя, может быть, выступал уже 8—9 тысяч раз. Я знаю, чтобы быть самим собой, надо стремиться к совершенству. Это необходимость. Знаю, что многие большие артисты считают примерно так же.

— Не собираетесь ли вы приехать в Советский Союз?

— Это мое огромное желание. Мое расписание заполнено до отказа в этом году. Предстоит турне по Франции, Скандинавии, Англии. Затем большое возвращение — в течение четырех месяцев буду выступать в одном из парижских театров. В нем, кстати, впервые примут участие 20 молодых людей — выпускников моей школы пантомимы, которая существует вот уже 11 лет и финансируется городскими властями Парижа. Но в следующем году я смог бы приехать в СССР с новой программой.

— Как вы относитесь к переменам, которые происходят в Советском Союзе?

— Я всегда был другом вашей страны. Я неплохо знаю вашу историю, литературу. Убежден, что ни меня, ни очень многих других людей не было бы в живых, если бы не ваша победа в Сталинграде. Без героизма вашего народа не была бы выиграна война. Да, были ужасы сталинских репрессий. Но нельзя все смешивать воедино, фальсифицировать историю. Мое уважение к СССР как было, так и остается. То, что происходит сейчас, не может меня не радовать. Конечно, у вас много проблем, в частности, национализм — одна из самых острых. Однако я убежден, что силы разума одержат верх и наступит эра света.

В. ПРОКОФЬЕВ.
[Соб. корр. «Труда»].

ПАРИЖ, апрель.